

И. Д. ВОРОНИН

КРАСНОСЛОБОДСКИЕ СВЯЗИ А. С. ПУШКИНА

В 1928 году в Ленинграде было опубликовано письмо нашего земляка, уроженца города Краснослободска Константина Ивановича Савостьянова к Владимиру Петровичу Горчакову — одному из друзей и почитателей А. С. Пушкина¹.

В этом письме изложены воспоминания Савостьянова о двух встречах с великим поэтом. Одна из них состоялась на Кавказе в городе Тифлисе в 1829 году, а другая — в селе Шатках Нижегородской губернии в 1834 году.

Напомним, что сообщает о кавказской встрече с поэтом К. И. Савостьянов в своем письме:

«Первое мое знакомство с Пушкиным было в Грузии в 1829 году, когда он приезжал искать впечатлений в новый для него край и с целью сделать поход в Турцию в бывшую тогда войну.

В бытность Пушкина в Тифлисе, общество молодых людей, бывших на службе, весьма образованное, и обратило особенное внимание Пушкина, который встретил в среде их некоторых из своих лицейских товарищей.

Нужно ли говорить о том, с каким восторгом приветствовали все великого поэта на чужбине? Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник, или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякий жаждал беседы с ним.

Наконец все общество, соединившись в одну мысль, положило

¹ «Пушкин и его современники». Материалы и исследования, выпуск XXXVII, Ленинград, 1928.

Рассказ К. И. Савостьянова о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 годах. Сообщил А. Достоевский, стр 144—150.

сделать в честь его общий праздник, устройство которого было возложено на меня. Из живописных окрестностей Тифлиса нетрудно было выбрать клочок земли для приветствия русского поэта. Выбор мой пал на один из прекрасных загородных виноградных садов за рекою Кур. В нем я устроил праздник нашему дорогому гостю в европейско-восточном вкусе.

Тут собрано было: разная музыка, песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии. Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышалось вензелевое имя виновника праздника. Более тридцати хозяев праздника заранее столпились у входа сада восторженно встретить своего дорогого гостя.

Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его громким «ура» с выражением привета, как кто умел.

Весь вечер пролетел незаметно в разговорах о разных предметах, рассказах, смешных анекдотах.

Все веселились от души, разговаривали, смеялись, и одушевление всех было общее. Тут были и зурна, и тамаша, и лезгинка, и заунылая персидская песня, и Ахало, и Алаверды, Якиш-Ол, и Байрон был на сцене, и все европейское, западное смешалось с восточно-азиатским разнообразием в устах образованной молодежи, и скромный Пушкин наш приводил в восторг всех, забавляя, восхищал своими милыми рассказами и каламбурами...

...Все ликовало, когда европейский оркестр во время заздоровного тоста Пушкина заиграл марш... На русского Торквато надели венок из цветов, посадили в кресло и начали его поднимать на плечах своих при непрерывном «ура», заглушавшем гром полного оркестра музыки.

Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил всех нас за торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым...»

Как видно из рассказа участника событий, торжество было поистине грандиозным. Уже тогда было понятно всенародное значение пушкинского гения. Передовые люди двух народов с большой щедростью увенчали лаврами своего поэта.

Не так пышно, однако, был встречен А. С. Пушкин через пять лет в наших местах. Обратимся опять же к воспоминаниям К. И. Савостьянова:

«...Я с ним не видался с 1829 года до 1834 года. Но не могу умолчать о нашей примечательной встрече.

Когда я возвращался с покойным отцом моим из Петербурга в Пензенскую губернию, во Владимире на Клязьме я был застигнут страшным воспалением желудка. В несколько дней, проведенных мною там для медицинского пользования, хотя и

восстановилось несколько мое расстроенное здоровье, но я после этой изнурительной болезни в самое короткое время до такой степени изменился в лице, что меня почти не узнавали даже семейные родные. Наконец, укрепивши свои слабые силы, отец мой и я продолжали путь свой через Нижегородскую губернию.

На одной станции по пути из Арзамаса до Лукоянова, в селе Шатках, отец мой, во время смены лошадей вошел в станционную избу позавтракать, а я, не совсем еще освободившийся от болезненной слабости, оставался в карете до тех пор, пока отец мой прислал непременно звать меня войти в избу для какой-то особенной надобности.

Едва я отворил дверь станционного приюта, весьма некрасивого, как Пушкин бросился мне на шею, и мы крепко обнялись после долгой разлуки. В это время мы провели вместе целые сутки. Пушкин заехал ко мне в дом и с большим интересом рассказывал свежие впечатления о путешествии своем по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собрал исторические памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени стариков и старух о Пугачеве. Доверие, произведенное к себе этим историческим злодеем во многих невеждах, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему лично с полным убеждением, что Пугачев был не бродяга, а законный царь Петр III, и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей.

Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел. На покойного отца моего сделал он удивительное впечатление, так что он, вспоминая о Пушкине, часто говорил, что в жизнь свою он не встречал такого умного и очаровательного разговора, как у Пушкина.

После сего мы расстались с Пушкиным и — навечно, ибо через два года его уже не было на свете.

В этот промежуток жизни его я с ним имел переписку и доставлял ему некоторые сведения о бытности Пугачева в г. Саранске и окрестностях его и о неистовых действиях шайки пугачевской по многим местам Пензенской губернии и прочем».

Известно, что воспоминания о великом поэте драгоценны в том случае, если они подтверждаются документально, или логикой событий, или самим творчеством поэта.

Этот рассказ К. И. Савостьянова (шатковская часть его) до сих пор не имел документальных подтверждений, почему и трактовался не совсем правильно.

Автор воспоминаний сообщает, что он встретился с поэтом в 1834 году, а комментаторы выставляют 1833, мотивируя тем, что при встрече поэт с большим интересом рассказывал о поездке по Оренбургской губернии для сбора сведений по истории пугачевского движения, а эта поездка, как известно, состоялась в 1833 году.

А разве не мог автор «Истории Пугачева» рассказывать о своем герое и через год? Разумеется, мог.

Не был документально подтвержден и ответ на вопрос: был ли во время этой поездки А. С. Пушкин в городе Краснослободске, и о каком доме говорит автор воспоминаний?

Горьковский краевед А. Еремин в книге «Пушкин в Нижегородском крае», вышедшей в городе Горьком в 1951 году, писал: «Длительные поиски ответа на этот вопрос в пушкиноведческой литературе оказались безуспешными».

Не прекращая свои поиски, А. А. Еремин по совету профессора Д. Д. Благого обратился к живущему в Москве внуку автора воспоминаний — Ивану Ивановичу Савостьянову и получил от него ответ:

«Константин Иванович был человеком высокой культуры, редкой доброты и благородства и передовых для своего времени взглядов.

В то время Константин Иванович, как и братья его Владимир и Петр, были еще не выделены, и К. И. своего дома не имел. Поэтому вполне возможно, что Пушкин вместе с Савостьяновыми заехал в их дом в Краснослободске.

Пушкина, разумеется, не могло смутить расстояние в 70—80 верст, тем более, что Краснослободск мог заинтересовать его и как исследователя эпохи Пугачева.

Может быть, к тому же, и К. И. Савостьянов или отец его обещали познакомить Пушкина со стариками, помнившими пугачевское восстание, которым был в свое время охвачен Краснослободск...»¹

Эта версия была приведена и в нашей книге «Литературные деятели и литературные места в Мордовии»², и в статье И. Птушкиной «Герцен и Севостьянов»³, и в брошюре А. А. Чернухина «Туристские маршруты по Мордовии»⁴, и в новой книге А. Еремина «Пушкин в Болдине», изданной в 1972 году⁵.

Продолжая вести разыскания, мы напали на документ, который отвечает на поставленные здесь вопросы. Документ этот — письмо Краснослободского откупщика Ивана Михайловича Савостьянова другому сыну — известному ученому и путешественнику Петру Ивановичу, посланное из Краснослободска 21 сентября 1834 года.

В этом письме мы находим ответы на вопросы, когда состо-

¹ А. Еремин. Пушкин в Нижегородском крае. Горьковское областное государственное издательство, 1951, стр. 209, 210.

² И. Д. Воронин. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1951, стр. 89—90.

³ И. Птушкина. Герцен и Севостьянов, «Прометей». Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей», № 5, М., 1968, стр. 144.

⁴ А. А. Чернухин. Туристские маршруты по Мордовии. Саранск, 1967, стр. 28.

⁵ А. Еремин. Пушкин в Болдине. Горький, 1972, стр. 129.

ялась шатковская встреча Савостьяновых с Пушкиным, при каких обстоятельствах, как долго поэт был гостем у своего старого знакомого и где они могли совместно провести время, занятые столь интересными беседами.

Вот этот довольно хорошо сохранившийся архивный документ:

Письмо И. М. Савостьянова сыну Петру Ивановичу из Краснослободска от 21 сентября 1834 года.

«21 сентября 1834. Краснослободск.

Спешу уведомить тебя друг сердечный Петр Иванович с подробностями, что по окончании всех дел моих в Петербурге, оставя за собою по Нижегородской губернии прежний Лукоянов, вновь Горбатов и Сергач, с наддачею на все три больше 80 т. выгоды, после участвовал в компании в Москве и во всех Сибирских и Новороссийских губерниях, и в последствии сдал с некоторою пользою.

Выехали из Петербурга 18 в Москву, приехали 22, с Константином И. и Ваничкою, поместив последнего вместе с меньшими у Галушки.

3 сентября, оставя всех здоровыми, выехали из Москвы. На другой день в Покрове как видно от сырости лежавших плодов К. И. почувствовал расстройство желудка, а на третий день во Владимире, кровавый кал соединился как видно с гемороем, но с помощью тамошнего инспектора Алакринского в двои с половиной суток все было прекращено, но как располагали ехать через Горбатов в Нижний, не решились, а отправил прямо из Володимера в Горбатов Евграфа И. Попова который там будет управлять сборами, а сами поехали прямо в Арзамас, где по обстоятельствам должны были пробыть 3 суток... Через Лукоянов и Шутилово 14 числа к ночи приехали домой и всех наши слава богу здоровых...» (далее о семейных и торговых делах и местных событиях. (И. В.)¹.

Как видно из процитированного документа, адресат письма Петр Иванович Савостьянов уведомлялся, что отец его, Иван Михайлович, вместе с братом, Константином Ивановичем, только что возвратились из Петербурга, а ездили они туда на торги по сдаче государством винных откупов частным лицам.

И. М. Савостьянов сообщает далее, что он во время торгов оставил за собой прежде бывший у него город Лукоянов Нижегородской губернии и вновь взял города Горбатов и Сергач той же губернии.

Известно, что откупные торговые сделки происходили в Петербурге раз в пять лет, и по истечении каждого пятилетия откупщики вновь съезжались в столицу для оформления своих питейных дел.

¹ Рукописный отдел Центральной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 269, Савостьяновы, № 2339-IX, Семейная переписка 1829—1836, гг. л. 239, 240.

1834 год был годом подобных сделок, что и обусловило поездку Савостьяновых в столицу именно в этом году.

Железнодорожных сообщений, как известно, в то время еще не было, поэтому для более или менее комфортабельных сухопутных поездок использовались тогда почтовые тракты, где для быстроты передвижения существовала езда на перекладных лошадях.

В нашем крае проходил в то время большой гужевой почтовый тракт из Астрахани в Москву и Петербург.

Этот тракт шел через Саратов, Пензу, Саранск, Арзамас, Муром, Владимир и Москву. Между Саранском и Арзамасом среди других остановок были почтовые станции—Лукояновская и Шатковская. Расстояние от Арзамаса до Шатков 30 верст и до Лукоянова еще 30, до Саранска еще 110.

Краснослободск к этой трассе присоединялся в Лукоянове через проселочный тракт расстоянием 80 километров с западной стороны. Большое Болдино выезжало на эту трассу тоже в Лукоянове, но с восточной стороны (расстояние 50 верст).

Дальше в письме И. М. Савостьянова рассказывается о возвращении из Петербурга. Выехали они из этого города 18 августа, а 22 были в Москве (ехали четыре дня, по 150 верст в день). Здесь задержались, «Поместили Ваничку (тоже сын И. М. Савостьянова) у Галушки» (содержатель пансиона в Москве), у которого воспитывались и еще «меньшие» дети откупщика.

Оставив воспитанников в Москве, Савостьяновы (отец и сын) выехали в Краснослободск 3 сентября. На другой день (т. е. четвертого числа) в Покрове Константин Иванович заболел расстройством желудка, а на третий, т. е. 5-го сентября, во Владимире дело осложнилось и пришлось еще два с половиной дня задержаться для лечения.

Судя по этим данным, Савостьяновы выехали из Владимира в Арзамас 8 сентября, где пробыли еще три дня, т. е. до 11 числа, дальше через Шатки, Лукоянов и Шутилово 14 числа (сентября) к ночи приехали в Краснослободск.

Совершенно очевидно, что 12 и 13 сентября 1834 года Иван Михайлович и Константин Иванович Савостьяновы были в Шатках и Лукоянове, 14 утром выехали из Лукоянова и 80 верст лесного проселка перекрыли в один день. Поздно вечером этого числа они были уже в своем городе.

А что же Пушкин? Расстояние 500 верст от Москвы до Лукоянова он перекрывал обычно в двое суток. И на этот раз так же: 10 сентября он еще был в Москве, а 13-го уже в Болдине.

Сохранилось и письмо поэта того времени. 15 сентября 1834 года он писал жене в Петербург из Болдина: «Сегодня суббота... я приехал третьего дня в четверг (т. е. 13-го) поутру, вот как тихо ездят по губернским трактам — а я еще платил почти везде двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади

были взяты под государя, который должен из Москвы проехать на Нижний... Я рад, что добрался до Болдина...»¹

Следовательно и Пушкин, выехавший из Москвы утром 10-го—12-го сентября был в Шатках.

Хронология совпала. Прежние знакомцы встретились в Шатках именно 12 сентября 1834 года, а не 1833.

Публикуемое здесь письмо Краснослободского откупщика И. М. Савостьянова документально подтверждает шатковскую встречу А. С. Пушкина и К. И. Савостьянова и устраняет сомнения на этот счет, а вместе с тем эта публикация укрепляет веру и в правдоподобие рассказа автора воспоминаний о тифлисском чествовании великого поэта.

Сдвиг во времени в пользу 1834 года позволяет более верно судить о непрекращающемся интересе А. С. Пушкина к «Истории Пугачева» и через год после ее написания.

Ну а как же с Краснослободском? Побывал ли поэт в городе на Мокше? Как видно из публикуемого документа, этого не случилось. Из Шатков А. С. Пушкин и отец с сыном Савостьяновы 12 сентября направились в Лукоянов, где поэт и был в гостях в Савостьяновском доме, который откупщики содержали в этом городе, где, как указывает автор письма, у них был и раньше, и полученный вновь, винный откуп.

Данный хронометраж не оставляет времени для поездки Пушкина в Краснослободск. 12 сентября он был вместе с Савостьяновыми в Шатках и Лукоянове, а 13-го, на рассвете, выехал из Лукоянова и к позднему завтраку был в Большом Болдине.

Отец и сын Савостьяновы задержались на день в своей Лукояновской уездной откупной конторе, 14 утром выехали из Лукоянова в Краснослободск и поздно вечером были дома.

Что касается передачи Пушкину устных преданий о пребывании Пугачева в Саранске, К. И. Савостьянову это было делать нетрудно потому, что и в этом городе его отец некоторое время владел винным откупом.

Считаем не лишним привести и некоторые подробности о пребывании А. С. Пушкина в Шатках, подмеченные И. М. Савостьяновым.

«В заключение всего, — писал К. И. Савостьянов, — передам вам о замечательной встрече с Пушкиным отца моего, который рассказал мне все подробности ее.

Когда он вошел в станционную избу на станции Шатки, то тотчас обратил внимание на ходившего там из угла в угол господина (это был Пушкин); ходил он задумчиво, наконец позвал хозяйку и спросил у нее что-нибудь пообедать, вероятно

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти томах, т. X, М.-Л., 1949, стр. 512.

ожидая найти порядочные кушанья по примеру некоторых станционных домов на больших трактах.

Хозяйка, простая крестьянская баба, отвечала ему: «У нас ничего не готовили сегодня, барин». Пушкин все-таки, имея лучшее мнение о станционном дворе, спросил подать хоть щей да каши: «Батюшка, и этого нет, ныне постный день, я ничего не стряпала, кроме холодной похлебки».

Пушкин, раздосадованный вторичным отказом бабы, остановился у окна и ворчал сам с собой: «Вот я всегда бываю так наказан, черт возьми! Сколько раз я давал себе слово запастись в дорогу какой-нибудь провизией и вечно забывал, и часто голодал, как собака».

В это время отец мой приказал принести из кареты свой дорожный завтрак и вина и предложил Пушкину разделить с ним дорожный завтрак. Пушкин с радостью, по внушению сильным аппетитом, тотчас воспользовался предложением отца и скоро удовлетворил своему голоду, и когда, в заключение, запивал вином соленые кушанья, то просил моего отца хоть сказать ему, кого он обязан поблагодарить за такой вкусный завтрак, чтобы выпить за его здоровье дорожную флягою вина...».

Когда отец сказал ему свою фамилию, то он тотчас спросил, не родня ли я ему, назвавши меня по имени, и когда он узнал, что я сын его, и что я сижу в карете, то с этим словом послано было за мной, — и мог ли я не удивиться встретить Пушкина в грязной избе на станции?!»

Так раскрывается еще одна страничка из истории жизни и творчества великого поэта, и пополняется наша мордовская Пушкиниана.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. П. ОГАРЕВА

КАФЕДРА РУССКОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Сборник статей)

САРАНСК
1978